

А. А. Кауфман

Статистическая наука в России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 330
ББК 65
А11

А11 **А. А. Кауфман**
Статистическая наука в России / А. А. Кауфман – М.: Книга по Требованию, 2024. – 218 с.

ISBN 978-5-458-55062-8

ISBN 978-5-458-55062-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Российская Академия наук почтила меня поручением написать для предпринятого ею коллективного труда «Наука в России» главу, посвященную статистике. Когда я закончил подбор соответственного материала и приступил к его обработке для названного издания, я сразу же увидел, что моя работа никоим образом не может непосредственно уложиться в точно отведенное мне Академией, в соответствии с общим планом издания, число страниц. Мне стало ясно, что я должен начать с того, что немцы называют *Vorarbeit*—с подготовительной работы, из которой затем придется сделать соответственное извлечение. Работа была поведена в этом направлении дальше и доведена до конца. Но по мере ее приближения к концу, я все более убеждался, что при отсутствии каких-либо трудов по истории статистической науки в России,—если не считать нескольких десятков страниц в книге В. В. Святловского «Из истории политической экономии и статистики в России», посвященных почти целиком зачаточной фазе ее развития,—при отсутствии—говорю я—такого рода трудов, результат сделанной мною подготовительной работы может представлять и самостоятельный интерес, конечно, для иных целей и для иного, более специального круга читателей, нежели для какого предназначалось академическое издание. Это убеждение и побудило меня выпустить настоящий очерк в свет в виде отдельной книги. Издать ее дало мне возможность Центральное Статистическое Управление, которому приношу за это мою искреннюю благодарность.

По поводу содержания книги я считаю не лишним здесь же, в этих вступительных строках, заметить, что я трактую «статистическую науку» исключительно как методологическое учение: *как теорию и, в известных пределах—технику статистического метода*, в приложении его, прежде всего, к области социальных явлений, но затем и в приложении ко всем тем, сколько угодно разнообразным, дисциплинам, которые имеют дело с совокупностями и массовыми явлениями, не подающимися изучению методами обычной индукции. Принципиально отрицая возможность конструирования особой материальной «науки статистики», я совершенно не задаюсь, конечно, целью охарактеризовать то, *что достигнуто* статистическими изысканиями, в области-ли социальной статистики или какой бы то ни было

другой. Если я кое-где, попутно, и отмечаю те или другие получившиеся статистические результаты или выводы, то лишь постольку, поскольку это было мне нужно, чтобы лучше охарактеризовать те или другие методологические течения или достижения.

Считаю не лишним сделать еще одну маленькую оговорку. Моя задача была дать историко-критический очерк русской статистической науки, выделив, конечно, лишь скольконибудь существенное в том или другом направлении и имевшее или имеющее значение в развитии русской статистической мысли. Между тем, нет ничего труднее, как отнестись критически к самому себе,—ничего труднее, как оценить значение и роль своих собственных работ. Я, однако, стоял лицом к лицу с тем фактом, что мои работы затрагивают очень многие из существеннейших вопросов статистической теории и методологии, а потому считал, что поддаться естественному чувству авторской скромности и не говорить о своих работах значило бы поступить в решительный ущерб полноте трактовки предмета. Я, поэтому, везде, где нужно, говорю и о своих работах, причем по отношению к самому себе строго держусь или, по крайней мере, стараюсь держаться тона автореферата, не вдаваясь в какую либо оценку, подобную той, какую я позволяю себе по отношению к другим работникам статистической науки. Если бы, однако, читатель нашел, что я отвожу при этом своим работам больше места, чем они бы того заслуживали, то я прошу читателя простить мне этот, во всяком случае, невольный грех.

В заключение приношу искреннюю благодарность ученым, сообщившим мне использованные в двух последних главах справки относительно применения в их специальных областях статистического метода, и в частности—методов так называемой «математической» статистики, а именно: А. И. Введенскому (психология), К. А. Фляксбергеру и Р. Э. Регелю (ботаника), Н. М. Книповичу (зоология), Е. Ф. Лискуну (зоотехния и прикладная зоология), Л. Я. Штернбергу (антропология и этнография), Н. М. Тулайкову (сельскохозяйственное опытное дело), С. А. Новосельскому (медицина и санитария). Приношу также искреннюю благодарность Е. А. Гейнцу, сообщившему мне подобные же справки по метеорологии, которых я, однако, не мог использовать, потому что рассмотрение сделанного, в данном направлении, в этой области вывело бы меня из рамок, намеченных для моей работы.

Февраль 1918.

А. Кауфман.

Описательное направление. Д. П. Журавский.

Из тех двух источников, слияние которых дало начало современной статистике, русская статистическая наука¹⁾, в раннем периоде своего развития, черпала только из одного—из немецкой, по преимуществу описательной, статистики, и совершенно ничего не почерпала из другого—из английской, по преимуществу, политической арифметики. Это было естественно и неизбежно, в виду той огромной роли, которую сыграла, вообще, немецкая наука, и какую сыграли, в частности, немцы-академики в ранней истории русской науки. В числе этих немцев-академиков был и Шторх—известный и видный в свое время экономист; ему принадлежит несколько трудов по статистике России—как ее понимала описательная школа—трудов, от которых «некоторые ведут летоисчисление русской статистической литературы²⁾», и один из которых виднейший представитель того же направления и той же эпохи в России, Б. Герман, характеризует как «полнейшее ныне сочинение о первой части статистики, т. е. о состоянии народа»³⁾. В числе немцев-академиков был и один из виднейших теоретиков описательной школы—Шлецер, последний по времени член той триады, с именами которой связываются главнейшие этапы в развитии того, что можно назвать *теорией* описательной статистики; тот из членов этой триады, которому принадлежит известная характеристика статистики, как «остановившейся истории», и не менее известная схема систематического построения статистического описания «достопримечательностей государства»: «vires unitae agunt», Шлецер, «был первым в России человеком, преподававшим статистику, и первым предложившим научные приемы для обработки ее»; еще в 1763 году им были предложены первые русские формуляры для церковных записей естественного движения населения, которые через несколько лет после того были введены в употребление во всей стране⁴⁾. К числу немцев-академиков принадлежал, наконец, Карл Герман, который первый занял учрежденную в 1804 году в академии кафедру статистики и был, повидимому, инициатором последовавшего в 1805 году введения преподавания статистики в гимназиях, где это было возложено на директоров и на учителей истории⁵⁾. В качестве руководств для

1) Употребляя здесь общеупотребительный термин «статистическая наука», я не предпримаю этим своего отношения к вопросу о том, следует ли видеть в статистике самостоятельную науку, или только метод; я лично являюсь сторонником второго понимания

2) *Святловский* К истории политической экономии и статистики в России. Спб. 1906, стр. 168.

3) Цитирую по той же книге *Святловского*.

4) Там же, стр. 169

5) Там же, стр. 172

гимназического преподавания К. Герман издал два курса или учебника: в 1808 году—«Краткое руководство ко всеобщей теории статистики для употребления в училищах Российской Империи», предназначенное для учащихся, и в 1809 году—«Всеобщую теорию статистики», предназначенную для «обучающих сей науке»; спустя восемь лет, в 1817 году, Герман издал «превосходную для своего времени» историю статистики—«Историческое обозрение литературы статистики, в особенности Российского Государства», которую историк ранней русской статистики, В. В. Святловский, характеризует как «выдающееся явление русской статистической литературы того времени»¹⁾. Наконец, едва ли не крупнейшею заслугою К. Германа перед русскою статистикою, даже понимаемой в более современном смысле, является предпринятое им в 1806 году издание специального «Статистического Журнала», целью которого ставилось, с одной стороны, обрабатывать и издавать «полнейшие сведения» из отчетов министерства внутренних дел, а с другой—распространять в читающих кругах статистические сведения. В этом же журнале Герман поместил и примечательную для своего времени статью—«Теория статистики». Он различает здесь «статистику в широком значении», как «основательное знание состояния государства в какое либо известное время»²⁾, и статистику «в теснейшем смысле», как «основательное познание всего того, что имеет очевидное влияние на благо государства в какое либо известное время»³⁾. «Философией статистики» являются «требующие статистических сведений правила государственного хозяйства и политики»: чтобы отвечать на предъявляемые ими запросы, статистика должна пользоваться всеми науками, по почерпаемые из них предметы она «должна обрабатывать статистически», т. е. «не что иное брать из сих наук, как то, что имеет влияние на благосостояние государства»⁴⁾. Статистика, в этом смысле, сопрягается с географией—отличие в том, что «предмет статистики есть государство, предмет географии есть земля», в виду чего «общества, не составляющие государства, не могут иметь статистики»⁵⁾. Отличие статистики от истории в том, что «предмет истории есть все то, что сделано народами достопамятного, предмет статистики есть только *состояние* государства»: она «проходит не перемены, но следствия перемен, и описывает состояние государства в какое либо означенное время»⁶⁾. Казалось бы, такая характеристика сущности статистики по существу совпадает с приведенною характеристикой Шлецера. Тем не менее Герман считает нужным особо подчеркнуть, что «определение: статистика есть современная история—не есть справедливо». Сколько я могу уловить, существенное отличие—в том, что «история пишет большую картину, имеет собственное красноречие», тогда как «статистика чертит таблицы: цифры суть ее красноречие»⁷⁾.

Наибольшую по об'ему часть содержания «Статистического Журнала» составляют различные «материалы» как «для российской», так и для иностранной статистики, понимаемой, конечно, в духе описательной школы. Но наиболее

¹⁾ Там же, стр. 174.

²⁾ Статистический Журнал, т. I, ч. 1, Спб. 1806, стр. 16

³⁾ Там же, стр. 26; см. там же стр. 23.

⁴⁾ Там же, ч. 2, стр. 9—10.

⁵⁾ Там же, стр. 2—4.

⁶⁾ Там же, стр. 4—5.

⁷⁾ Там же.

ценным по своему внутреннему содержанию является напечатанное в двух частях первого тома «Журнала» небольшое рассуждение другого Германа, Ивана, обер-берггауптмана и тоже академика, «О народонаселении» с подзаголовком «о составлении и употреблении народных таблиц», — рассуждение, представляющее собою, повидимому, тот самый план организации административной статистики в России, который, в главных своих чертах, получил осуществление в учрежденном в 1809 году статистическом отделении министерства полиции. В рассуждении этом мы находим схему «генеральных и специальных таблиц», во главе которой стоят «народные таблицы», обнимающие статистику населения и в состав которой входят, в числе прочих, «таблицы произведений», содержащие статистику урожаев, скотоводства, обрабатывающей и горной промышленности; находим также приблизительную, вскоре после того также воплотившуюся в жизнь, схему губернаторских отчетов ¹⁾. Для «составления и употребления народных таблиц» предлагается учредить «особенную экспедицию или комиссию, в которой бы сии списки собираемы и должным образом обрабатываемы были» ²⁾; экспедицию эту рекомендуется учредить при сенате (который — напомним — до учреждения министерств был средоточием государственного управления), или при другом учреждении, или «наименее, при академии наук» ³⁾. Но наиболее интересно является предлагаемая И. Германом схема собирания данных о населении, в которой мы находим мысли, далеко опередившие свое время. В основу этой схемы полагаются «домовые таблицы», в которых надлежит «отсутствующих не выставлять», а вносить их «там, где они находятся, ибо иначе нельзя избежать, чтобы не было пропущенных и показанных вдвойне», — и такие «описи» рекомендуется делать «во всем государстве не в разное время, а в один даже день, например, 15 декабря каждого года» ⁴⁾; как видит читатель — вполне отчетливая формулировка до сих пор еще господствующих в методике народных переписей принципов однодневности и учета наличного населения. Трудности составления таблиц И. Герман полагает преодолеть, если «через капитан-исправников и через полицию доставить каждому хозяину по экземпляру всех родов таблиц и предоставить всем им по совести своей описывать самим; а что касается до деревень, возложить должность сию на писарей» ⁵⁾; схема, почти столетие спустя воспроизведенная в организационном плане первой всеобщей переписи населения.

Возвращаясь затем к Б. Герману, мы должны еще остановиться на его капитальном труде «Всеобщая теория статистики», появившемся в 1809 году и, как указано в подзаголовке, представляющем собой «руководство для обучающихся сей науке». В основном понимании статистики Герман стоит, естественно, совершенно на той же точке зрения, что и в рассмотренной выше, если можно так выразиться, программной статье, напечатанной в «Статистическом Журнале»; в частности, определения статистики в «пространном» и в «теснейшем знаменовании» формулированы почти буквально в тех же выражениях. Статистика

¹⁾ Статист. Журнал, т. I, ч. 2, стр. 22—25.

²⁾ Там же, ч. 1, стр. 37.

³⁾ Там же, ч. 2, стр. 30—31.

⁴⁾ Там же, стр. 25—27.

⁵⁾ Там же, стр. 32.

остается «основательным познанием всего того, что имеет очевидное влияние на благо государства в какое либо известное время»; ее предметом остаются «государственные достопримечательности», т. е. то, «что состояние существенных частей государства делает в высшей степени лучшим или худшим» ¹⁾; «статистическое предложение» материала, заимствуемого статистикой «из всех наук и художеств», характеризуется как «состоящее в том, чтобы взирать» на предметы «со стороны их влияния на благосостояние государства» ²⁾; цель систематического изложения статистики — «с возможною точностью означить соотношение классов граждан к целому и каждого особенного класса ко всем прочим» ³⁾. Таким образом, К. Герман целиком стоит и здесь на почве описательной статистики; мало того — он в полной мере обнаруживает и характерное для статистиков описательного направления отрицательное отношение к табличной статистике. Признавая, что «большая часть статистических известий были бы неспособны к употреблению, если бы в числах с точностью не были показываемы» ⁴⁾, он, однако, решительно восстает против «злоупотребления» цифрами, вину которого он возлагает на книгопродавцев, введших статистику в календари.

«Счисляемые предметы — говорит он — сделались главным предметом всех тех, кои занимались статистикой»; господствовало мнение, «что статистика состоит в одних цифрах», — мнение неверное: «дабы каждая таблица могла быть вразумительна, нужно еще к ней историко-политическое истолкование» ⁵⁾; мнение даже и вредное — «читатель чувствует себя, так сказать, задушаемым материалами и счислениями, при всем том истинного познания о состоянии какого либо государства отнюдь не приобретает» ⁶⁾. Отсюда необходимость «переворота в статистике», подобного тому, который произведен был в политической экономии Адамом Смитом. Этот переворот и произведен был Билефельдом и Шлецером, которые «оказали статистике бессмертную заслугу, возвратив статистике ее политическое направление» ⁷⁾.

Таким образом, К. Герман и в своей «Всеобщей теории» целиком стоит на Ахенваль-Шлецеровской точке зрения. Это не мешает его небольшой, но живо и талантливо написанной книжке содержать ряд чрезвычайно ценных мыслей методологического и даже теоретического характера, — мыслей, которыми Герман на несколько десятилетий обгоняет свое время. Чрезвычайно интересна, прежде всего, глава, посвященная «источникам статистики», и в частности — страницы, посвященные «статистической критике». Уже вообще известно — констатирует здесь Герман — что «каждое статистическое исчисление, производимое правительством..., в первых годах бывает обыкновенно ошибочно и неверно. Нижние чиновники почитают для себя такие новые труды тягостями»; «обыватели имеют при том различные опасения, а потому те и другие согласны между собой в

1) «Всеобщая Теория статистики. Для обучающихся сей науке». Спб. 1809. В титуле автор не назван, но имя и фамилия его выставлены под предисловием, стр. 38.

2) Там же, стр. 56.

3) Там же, стр. 70.

4) Там же, стр. 40.

5) Там же, стр. 16—17.

6) Там же, стр. 22.

7) Там же, стр. 14.

том, чтобы трудное и неприятное такое препоручение кончить только как можно скорее. И не ранее уже, как несколько лет спустя, посредством разновременно возобновляемых исчислений, может правительство приблизиться к истине, когда «и люди узнают, что их опасения неосновательны, и когда нижние чиновники приметят, что правительство непременно требует от них верных и точных показаний¹⁰⁾»; — мы узнаем здесь с полною ясностью выраженный принцип современной методологии, касающийся влияния «привычки населения» на качество получаемых статистических данных. Основное правило критики последних сводится к тому, что, «чем более для людей может быть выгодно скрывать истину», тем статистик «должен быть недоверчивее к показаниям их». Даже народосчисление подвержено неизбежным погрешностям и может быть исправлено только через частое повторение. Из таблиц, как выражается Герман, «относящихся к капиталу», иначе говоря, из области хозяйственной статистики, «земледельческие суть справедливейшие, потому что земледелие требует наималейшего капитала и приносит наивернейшую прибыль», но более всего ненадежны суть коммерческие таблицы по причинам, кои легко усмотреть можно». Поэтому, статистик должен всякую таблицу «сличить с другими подобными таблицами. Предметы промышленности — поясняет Герман — *столь тесно между собой соединены, что ясное понятие об оных можно получить только посредством сличения между собою* (курсив мой А. Б.) многих таких таблиц»; читатель узнает здесь твердо установленный современной методологией принцип внутренней проверки статистических показаний и цифр. В частности, «должно сравнивать показания многих годов сряду; и если предположить, что нижние чиновники каждый год делали одинаковые ошибки, то и в таком случае, по крайней мере, статистическую истину усмотреть можно *из взаимного содержания годовичных сумм*» (курсив мой А. Б.) опять таки, ясно выраженный, твердо установленный современной методологией принцип приблизительной верности *отношений между числами* даже при неверности абсолютных чисел. Таковы правила критики по отношению к официальным источникам. Еще нужнее критика по отношению к другим родам источников. В частности, «изустные сведения составляют очень хороший источник. Ежели несколько особ сообщают статистику одни и те же сведения, не зная, какое употребление он намерен из сего сделать, то в таком случае можно всегда положиться на их показания»; надо только «предварительно удостовериться, могут ли и хотят ли они говорить правду. Здесь — поясняет Герман — все зависит от искусства спрашивать и от того, с какою проницательностью спрашивающий способен входить в содержание ответов и судить о качестве оных¹¹⁾». Повторяю: в приведенных отрывках мы находим выраженным в немногих словах все существо современных приемов и критики материала, и даже его добывания. Не менее интересны и соображения Германа, соприкасающиеся с вопросами статистической теории в самом современном смысле этого слова. Соображения эти привязаны к вопросу: как продолжителен тот «момент» в жизни государства, который изображается статистикой. По мнению Германа, статистическая картина остается верною, по крайней мере, на двадцать лет. Это — потому, что «все в государстве довольно долго сохраняет одно

1) Там же, стр. 83—86.

и то же состояние. Предметы, хотя и непрерывно движутся, но всегда обращаются около той-же оси и долго остаются в тех же между собою отношениях. Сии отношения их так постоянны, что можно судить по состоянию одного предмета о состоянии другого даже и тогда, когда числа ежеминутно перемещаются несколькими сотнями или несколькими тысячами. Они, конечно, не перемещаются миллионами, коль скоро однажды успели определить число сих миллионов»¹⁾. Совершенно отчетливое понимание существенного смысла закона больших чисел и устойчивости статистических отношений,—мало того, даже понимание того принципа «фунгибельности», заменимости отдельных элементов статистической массы, который сравнительно недавно формулирован Лексисом и является одною из предпосылок современной статистической теории.

Труды Карла Германа были совершенно выдающимся явлением в русской статистической литературе всей первой трети XIX столетия. Не даром через 30 лет, в 1839 году, один из последователей и подражателей Германа, Ободовский, отмечает тот факт, что «с 1809 года выхода в свет «Всеобщей теории» — не появилось в отечественной литературе ни одного сочинения, в котором сия наука излагалась бы в систематическом виде, соответствующем настоящей ее потребности»²⁾.

Рядом с К. Германом ставят его «ученика и духовного преемника»³⁾, профессора главного педагогического института К. И. Арсеньева, выпустившего в 1818 и 1819 гг. пользовавшееся в свое время широкую известностью «Начертание статистики Российского Государства». Это—систематическая, «расположенная по правилам теории», сводка накопившихся к тому времени материалов для познания нашей страны, ярко окрашенная «взглядами и убеждениями передовых людей первой половины царствования императора Александра I», а потому не лишенная ценности для характеристики умственного и политического развития тогдашнего русского общества⁴⁾. Но собственно в эволюции статистической теории, даже если разуместь под этим названием теорию описательной школы, Арсеньев едва ли может претендовать на самостоятельное место: он всецело стоит на почве Шлеперовского понимания статистики,—характерная его особенность разве только в том, что он требовал «разумной, мыслящей статистики, *statistique raisonnée* — политической и экономической оценки (Курсив мой. А. Б.) фактов и суда над действительностью»⁵⁾. Именно этот оттенок «суда над действительностью» привел к преждевременному прекращению профессорской работы Арсеньева. Много позднее, уже в сороковых годах, он возвращается к статистике и издает «Статистические очерки России», интересные, опять таки, как погубернская сводка данных, главным образом о территории, поземельном устройстве и промысловой деятельности населения, но тоже не могущие претендовать на самостоятельное место в истории статистической науки.

¹⁾ Цитирую по Ободовскому, Теория статистики в ее настоящем состоянии. СПб. 1839, стр. 35—6.

²⁾ Назв. соч., предисловие.

³⁾ Святловский, назв. соч., стр. 177.

⁴⁾ Там-же, стр. 177. Труды Арсеньева у меня в руках не было, и характеристика его дается по Святловскому.

⁵⁾ Святловский, там же.

Приблизительно то же самое, что об Арсеньеве, можно сказать о ряде других представителей описательной статистики первой половины XIX века, как Зябловский, Ободовский, Горлов, Милютин, Срезневский и др. Зябловский, современник Германа и Арсеньева, но ярый их антагонист по политической окраске, в 1808 году выпустил небольшое «Статистическое описание Российской Империи в нынешнем ее состоянии с предварительными понятиями о статистике», а два года спустя—обширное, шеститомное «Землеописание Российской Империи», которое историк академии наук, Сухомлинов, характеризует как «магазин для справок» ¹⁾. В своих «предварительных понятиях», иначе сказать, в теоретическом введении к первому из названных сочинений, он опирается даже не на Шлецера, а на Ахенваля, который «преобразил сие учение» и «старанием которого» статистика приведена в систематическую науку ²⁾. Ахенвальево «понятие о статистике», как об основательном познании действительных достопримечательностей какого ни па есть государства,—это понятие «утверждено, по мнению Зябловского, прямо на основании и включает то совершенство, по которому легко и удобно бесполезные, маловажные и без всякой цели помещенные обстоятельства отделяются: требуется один благоразумный выбор материалов» ³⁾. Государство описывается, в разных отношениях, в двадцати различных науках; «статистика есть содержание тех достопримечательностей, о коих упоминают» все эти науки,—«разность в том состоит, что статистика имеет свою цель, а потому и достопримечательности описывает особенным порядком, с особенною убедительностью и достоинством» ⁴⁾; главное ее отличие — в том, что она «из бесчисленного множества вещей те только выбирает, кои содержат ощутительные свойства достопримечательностей государства», все же «известия маловажные, или яснее, предметы, не составляющие народного благосостояния, не принадлежат статистике» ⁵⁾. На том же, приблизительно, уровне стоит и появившееся тридцать лет спустя, в 1839 г., сочинение профессора главного педагогического института А. Г. Ободовского «Теория статистики». История ранней русской статистической литературы, В. В. Святловский, характеризует его как построенное «вполне еще в духе Ахенваля и представлявшее собою обычную компиляцию, составленную по посредственному учебнику одного из незначительных немецких ученых, некоего Бутте» ⁶⁾,—совершенно так же, как компиляция Зябловского целиком построена по системе Мейзеля. Схема построения «науки» статистики несомненно заимствована Ободовским у Бутте. Но в существе развиваемых им мыслей его правильное сблизить с Шлецером и особенно с Барлом Германом. Отношение Ободовского к первому ясно видно из его оценки роли Шлецера в истории науки статистики. «Несмотря на выходы и угрозы Лидера, истина восторжествовала: Ахенваль-Шлецерова идея раскрылась в еще большем блеске, и статистика снова заняла в ряду политических наук место, на которое постав-

1) Цит. по Святловскому, назв. соч., стр. 181.

2) Зябловский, Стат. описание Российской Империи и т. д., 1808, стр. 4.

3) Там же, стр. 9.

4) Там же, стр. 13—14.

5) Там же, стр. 16—17.

6) Святловский, назв. соч., стр. 187.

лена была бессмертным Шлецером»¹⁾. И в другом месте Ободовский характеризует «эмпирическую методику», одно время начинавшую господствовать в статистике: «количество статистических данных увеличивалось безмерно, и никакие человеческие усилия не могли совокупить их в систему». Но «тогда явился Шлецер: он исследовал тогдашние недостатки статистической методики и открыл свету совершенную превратность оной»; он «представил теорию существенным и главным занятием, а в конце показал образец ее приложения»²⁾. Но идея Шлецера Ободовский воспринял и воспроизвел, более или менее целиком, в той форме, какая была им придана Карлом Германом, у которого Ободовский нередко буквально заимствует свои определения и за которым близко следует во всем построении своей «теории», не обнаруживая, однако, ничего похожего на ту оригинальность и свежесть мысли, которые проблескивают у Германа сквозь традиционную оболочку его описательной теории. Все сказанное не мешает тому, что «истинное определение статистики» дается у Ободовского, в самом деле, по Бутте: «статистика есть систематическое изображение тех данных, из коих основательно познается, в какой мере государство достигло своей цели в какой либо определенный момент, принятый за настоящее время»³⁾, — а затем на десяти страницах следует «объяснение истинного определения статистики»⁴⁾ — иначе говоря, чисто схоластическое изъяснение каждого из отдельных терминов, входящих в это определение. В частности поясняется, что статистика должна давать «ясное, живое изображение государства *по отношению к государственной цели*»; что она «собирает только данные», т. е. «просто как бытие в пространстве и во времени, без всякого отношения действия к причине», и «сим отличается от истории, которая имеет предметом *факты*»⁵⁾; что «основательность в статистике заключается не в знании чисел и не в пояснениях заимствованных, а в надлежащем разграничении, оценке, расположении статистических данных» — в «уразумении неизменных элементов статистики, которые могут служить правилами на всю жизнь»⁶⁾; что «статистика есть наука политическая в строгом смысле, ибо имеет своим предметом государство»; по при этом она показывает лишь, «в какой мере государство *уже достигло* своей цели, — этим статистика ясно отличается от науки о государстве и от политики»; что «статистика, как наука и следовательно дело разума, изображая государство, иметь в виду должна одну только цель, разумом постигаемую, необходимую, а не эмпирическую»⁷⁾; что статистика, правда, «не занимается ни прошедшим, ни будущим», но что тем не менее статистика возможна и для государства прежнего времени, — «для составления статистики какого либо государства должно вообразить себе в жизни его один момент произвольного пространства и произвольной отдаленности, отделить оный в уме от прошедшего и будущего и таким образом составить воображаемое настоящее»⁸⁾, и т. д. Как

¹⁾ Ободовский, Теория статистики, предисловие.

²⁾ Там же, стр. 102—103.

³⁾ Там же, стр. 25—26.

⁴⁾ Стр. 26—36.

⁵⁾ Стр. 27—28.

⁶⁾ Стр. 29—30.

⁷⁾ Там же, стр. 31—32.

⁸⁾ Стр. 33.